

ДОРОГА, ПО КОТОРОЙ Я ШЛА ОДНА

*Путь матери.
Любовь,
которая
никогда
не устает.*

Бая Танаева

18+

Бая Танаева

Дорога, по которой я шла одна

«Автор»

2026

Танаева Б.

Дорога, по которой я шла одна / Б. Танаева — «Автор», 2026

"Дорога ,по которой я шла одна" - это сильные и трогательные мемуары матери, которая встретила самые тяжелые испытания жизни, имея лишь любовь, веру и непоколебимую силу. Сквозь слезы, жертвы и бессонные ночи она продолжала идти ради своих детей, ради лучшего завтра. Это ее история. Это сила каждой матери.

© Танаева Б., 2026

© Автор, 2026

Бая Танаева

Дорога, по которой я шла одна

Все можно пережить в этой жизни ,
Пока есть для чего жить ,кого любить,
О ком заботиться и кому верить.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Много лет я размышляла о том, чтобы написать свою историю.
Однако я всегда колебалась.

Возможно, главная причина заключалась в том, что я не хотела писать о своем отчине. Что бы ни происходило в нашем доме, я не могла забыть, что он обеспечивал нас. Жизнь редко бывает черно-белой, и люди редко бывают полностью хорошими или полностью плохими. Из-за этого я много лет хранила свои воспоминания в молчании.

Переломный момент наступил гораздо позже.

Это произошло, когда я вернулась в деревню, где родилась и выросла, чтобы ухаживать за матерью во время ее болезни.

Моя мать много лет прожила в городе со своей сестрой, но когда ее здоровье начало ухудшаться, она решила вернуться в родную деревню. Именно там, в окружении знакомых улиц, старых домов и утешающих воспоминаний, произошло нечто неожиданное.

Казалось, вся деревня знала о моем возвращении.

Люди приходили навестить мою мать, чтобы выразить сочувствие и поддержку. Но многие из них также хотели увидеть меня. В конце концов, я не была в этой деревне почти пятьдесят лет.

Сидя с нами, они начали вспоминать прошлое.

«Мы помним, — говорили они. — Мы помним, через что прошла ваша мать. Мы помним и то, через что прошли вы и ваш брат».

Я была удивлена.

Столько лет я хранила эти воспоминания в одиночестве, полагая, что они принадлежат только нашей семье. Но окружающие нас люди видели гораздо больше, чем я предполагала. Они помнили страх, борьбу и трудности, которые сформировали наши жизни.

Позже друзья стали говорить то же самое.

«Почему бы тебе не написать книгу о своей жизни?»

Сначала я отмахнулась от этого.

Но вопрос не покидал меня.

Почти пятнадцать лет я колебалась, спрашивая себя, стоит ли мне писать или молчать.

Стоит ли рассказывать мою историю?

Что же такого особенного в моей жизни?

Я не знаменитость. Я просто женщина, пишущая о своей жизни.

И всё же воспоминания не покидали меня.

В конце концов, я поняла, что эта книга не о том, чтобы быть особенной. Она о правде.

Она о том, чтобы дать голос переживаниям, которые многие люди переживают, но о которых редко говорят.

И я начала писать.

Не из-за гнева.

Не из-за мести.

И уж точно не для того, чтобы кого-то осудить.

Жизнь уже научила меня достаточно о прощении.

Если кто-то узнает себя на этих страницах, я надеюсь, он поймет, что в моем сердце нет горечи. Давно я решила простить тех, кто причинил мне боль.

Эта книга не осуждение.

Это просто моя история.

История маленькой девочки, матери, выжившей и женщины, которая поняла, что даже после самых темных бурь можно обрести покой.

И, возможно, если моя история поможет хотя бы одному человеку почувствовать себя менее одиноким, то каждая страница будет стоить того, чтобы ее написать.

ДОРОГА, ПО КОТОРОЙ Я ШЛА ОДНА

Они пытались сломить меня, но я осталась стоять.

Дорога, по которой я шла одна © Бая Танаева, 2025 все права защищены

ПОСВЯЩЕНИЕ

Моим детям — чья сила освещала самые темные пути, и чья любовь давала мне смелость идти по ним. Моим пяти драгоценным внукам — пусть вы растите в доброте, стойкости и правде, зная, что наследие выживания, надежды и веры течет по вашим венам. Вы — свет, о котором я когда-то мечтала в тени. Моей матери — которая никогда не переставала верить. Твоя тихая сила держала нас всех. И каждой женщине, которая плакала в тишине — Вы видны. Вы священны. Вы не одиноки

Эта книга для вас.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА 1 - Мое детство отчим

ГЛАВА 2 – Учеба в городе

ГЛАВА 3 -Моя первая любовь и горькие уроки.

ГЛАВА 4 -Знакомая тишина.

ГЛАВА 5-Дом, который никогда не был домом

ГЛАВА 6-В ловушке на виду

ГЛАВА 7-Последняя капля

ГЛАВА 8-Новое начало

ГЛАВА 9-Новая жизнь и будущее моих детей.

ГЛАВА 10-Дорога за новой жизнью

ГЛАВА 11-Новая земля, та же буря

ГЛАВА 12-Чужая земля знакомые трудности

ГЛАВА 13-Из теней к свету

Эпилог: Затишье после бури

ПРОЛОГ;

ОТГОЛОСКИ ДЕРЕВНИ.

Я не выбирала жизнь, в которой родилась. Как и многие, я пришла в этот мир без обещаний, без защиты — только с надеждой матери и тишиной деревни. Мои самые ранние воспоминания расшиты запахом земли после дождя, звуками кур во дворе и невидимой тяжестью, висящей в воздухе — той тяжестью, которую могут распознать только женщины в тихом страдании. С раннего возраста я понимала, что любовь может причинять боль, что люди могут предать тебя, улыбаясь, и что доброта часто ожидается, но редко возвращается. Я росла, не мечтая о побеге; я не знала, что мне это позволено. Моя жизнь была ритмом выживания, сшитым необходимостью, обязательством упрямым, мерцающим светом веры. Эта книга — не просто история, это путешествие сквозь огонь. Я пишу не для того, чтобы искать жалости, а чтобы свидетельствовать. Чтобы сказать: я жила. Я терпела. И каким-то образом я поднялась. Здесь вы не найдете отполированной сказки. Только правду — грубую, болезненную, прекрасную правду. Через каждое разбитое сердце, каждую ночь, когда я спала в страхе или голоде, каждый раз, когда мир говорил мне, что я ничего не стою, я обращалась внутрь себя и вверх. Я обращалась к моему Богу, ко Вселенной, к той силе, которая продолжала толкать меня вперед, когда мои ноги отказывали. Это для каждой женщины, которая думала, что не сможет выжить — и выжила. Это для синяков, которые сошли, и тех, которые так и не сошли. Это для моментов света в самой глубокой тьме. И больше всего это для моих детей — которые дали мне силу еще до своего рождения. Пусть мой голос достигнет ушей тех, кто больше всего в нем нуждается. Если вы читаете это, и ваша душа чувствует усталость, я хочу, чтобы вы знали: есть надежда. Надежда есть всегда. Даже после всего я все еще верю в людей. Я все еще верю в чудеса. И я верю, что эта история должна была быть рассказана.

1

МОЕ ДЕТСТВО, ОТЧИМ.

Крики всегда начинались одинаково сначала тихо, как собирающаяся вдалеке буря. Я схватила руку своего младшего брата, желая, чтобы он молчал. По ту сторону стены умоляющий голос моей матери прорезался сквозь рыдания. Звук бьющегося стекла вызвал дрожь во всем моем теле. Я замерла на месте, инстинктивно протянув руку, чтобы утащить за собой младшего брата. В гостиной стало тихо — слишком тихо. Всего несколько секунд назад голос моей матери дрожал сквозь стены, пытаясь урезонить его. Теперь тишина давила на дом, как затаенное дыхание. Скрипнула половица.

Затем послышались шаги. Медленные. Тяжелые. Каждый шаг был предупреждением. Я считала их. Один... два... три... ближе. Свет в коридоре отбрасывал мерцающую тень под нашу дверь. Я слышала, как мое сердце колотилось громче, чем его ботинки. Пальцы моего брата сжимали мои, дрожа. Я прошептала: «Не двигайся». Дверная ручка повернулась. Я не знала, придет ли он за нами на этот раз или просто чтобы накричать. Но в глубине души я уже знала ответ. Когда дверь откроется, снова настанет наша очередь. Дверь со скрипом открылась, Я приготовилась, все еще обнимая брата, но он не вошел — пока нет. Просто стоял в дверном проеме, запах алкоголя проник в комнату раньше, чем он. Его силуэт заполнил кадр, как угроза.

Он что-то пробормотал себе под нос — что-то о том, что мы обуза. Затем он ушел, хлопнув дверью так сильно, что стены задрожали. Я не дышала, пока не услышала, как за ним открылась и закрылась входная дверь. Той ночью я не спала. Я лежала там, уставившись в потолок, и думала, как мы здесь оказались. Как обещание «новой семьи» превратилось в эту постоянную боль в груди. Когда мне было шесть, мама сказала нам, что у нас будет новый отец. Она стояла перед зеркалом, поправляя волосы, нервная и полная надежд, словно готовилась к чему-то лучшему. «Он добрый, — сказала она, — и хочет заботиться обо всех нас». Тогда я ей поверила.

Она уже столько всего пережила — растила двоих детей одна, работала в две смены, чтобы прокормиться. Помню, как она вышла за него замуж: мой брат держал ее за руку с одной стороны, я — с другой. Мы вошли в здание суда как семья. Мы вышли как что-то другое. Это был день, когда все начало меняться. Сначала он был вежлив — возможно, слишком вежлив. Он приносил моей матери небольшие подарки, например, розы, завернутые в пластик, или сладкие напитки из магазина. Он никогда не смотрел на меня или моего брата долго. Только быстрые взгляды, как будто мы были фоновым шумом. Моя мать сказала, что нам нужно дать ему время. «Это тяжело», — шептала она, расчесывая мне волосы. «Быть отцом чужих детей».

В глазах отчима нас с братом встретили с пренебрежением. Его действия красноречиво говорили о его чувствах, поскольку он давал нам задания с холодностью, отражающей его неодобрение. Эти обязанности были исполнены презрения, как будто он стремился обременить нас работой не по необходимости, а для того, чтобы утвердить свою власть. Его неодобрение отозвалось в тишине, последовавшей за его присутствием, тишине, полной напряжения и невысказанных слов. Как будто сама атмосфера изменилась, когда он вернулся, отбрасывая тень на наш дом. Это были моменты, когда фасад семейной гармонии рушился, трещины, которые обнажая незаметно образовались с течением времени. Я старалась молчать. Я старалась быть хорошей.

Но улыбки быстро исчезли. Его голос стал резким. Его глаза стали холоднее. Он придирался ко всему, мог накричать, потому что телевизор был слишком громким. Или — из-за грязной тарелки в раковине. Однажды я даже не помню, что его вывело из себя, но все закончилось разбитой тарелкой и красной щекой моей матери. Она сказала нам не волноваться. Сказала, что это просто стресс. Сказала, что он не имел этого в виду. Но я видела, как она вздрогнула, когда он поднял руку, чтобы что-то смахнуть с ее плеча. Я чувствовала, как дом замирает каждый раз, когда мы слышим, как ключи в замке. Наш смех становился тише.

Наши шаги тише. Это было похоже на жизнь со спящим медведем — мы никогда не знали, когда он проснется. Он приходил домой по пятницам, так как он работал на ферме. Это было начало шторма. Дверь-сетка захлопнулась о раму, и по звуку его сапог я поняла, что он пьян. Снова. Всегда. Мы с братом замерли за столом, слушая шарканье его тяжелых шагов по полу, звон пряжки ремня, хруст костяшек пальцев. Наши глаза встретились. Мы уже знали, что будет дальше. Сначала он всегда проверял бочку с водой. Дверь на заднем дворе со скрипом открылась.

Мы услышали скрип деревянной крышки, долгую паузу. Я затаила дыхание. Может быть — просто может быть — воды будет достаточно. Может быть, не сегодня. Потом: «Наполовину полный?» Его голос прорезал ночь, как нож. «Думаете, этого достаточно?» Я сжала руку брата под столом. «Вставайте», — рявкнул он. «Идите и наполните его. Сейчас же». Я посмотрела на часы. 23:47. На улице было черное небо, и воздух уже превращался в мороз. Мой брат, еще совсем маленький мальчик, протер глаза и потянулся за пальто. Ведра стояли у двери — старые металлические, с вмятинами и ржавыми ручками. Они были почти такого же роста, как мы. Ему было все равно.

Мы скользнули в темноту, как призраки, с ведрами в руках. До колодца было не меньше получаса ходьбы в каждую сторону, по грунтовой дороге мимо деревьев и лающих собак. Летом было легче. Зимой дорога покрывалась льдом и превращалась в скользкую тропу из сломанных костей, ожидающих своего часа. Той ночью было холодно. Наши дыхания вырывались маленькими облачками. Мои пальцы болели еще до того, как мы прошли половину пути. Мой брат однажды поскользнулся на льду, пустое ведро звякнуло рядом с ним. Я помогла ему подняться, не говоря ни слова. Мы мало разговаривали во время этих прогулок. Мы просто... существовали.

Мы молча наполняли ведра, холод кусал наши запястья, когда мы ныряли и тащили. Затем настала самая трудная часть — нести их обратно, не проливая. Вода плескалась при

каждом шаге. Мои руки тряслись. Мои ноги горели. Но мы не останавливались. Мы не могли. На полпути домой мой брат снова поскользнулся. На этот раз он сильно упал, вода лилась на замерзшую землю, словно смеялась над нами. Я уставилась на землю, ведро перевернулось, вода закончилась. Мне хотелось кричать. Плакать. Бежать. Но я не стала. Я просто посмотрела на него и сказала: «Пошли. Мы вернемся». И мы вернулись. Чтобы опять наполнить ведро.

Когда мы вернулись домой, окна были темными. Единственный свет шел из коридора, и он проливался, как предупреждение, на пол кухни. Он ждал. Мы поставили ведра рядом с бочкой — молчаливые, мокрые, дрожащие. Он не сказал ни слова. Просто посмотрел на нас, кивнул один раз и отвернулся. Как будто это было ничего. Как будто таскать воду по замерзшей ночи было обычной частью детства. Но это было только начало. Чем дольше мы жили в этом доме, тем хуже становилось. Он пил все сильнее. Его кулаки все быстрее. Если еда была недостаточно горячей, или дом был недостаточно чистым, или если мы дышали неправильно — он взрывался.

Хуже всего было, когда он нападал на нашу мать. Она никогда не сопротивлялась. Она просто терпела, глазами говорила нам держаться подальше. Но мы не могли. Мы пытались защитить ее. Мы кричали, мы дергали его за руки, мы умоляли — но это никогда не имело значения. Это означало только то, что мы тоже попадем в это. Пощечины. Пинки. Его ремень. Синякам было все равно, на кого они приземлятся. Иногда по ночам мы убегали. Не имело значения, что была зима. Когда страх брал верх, обувь была роскошью. Я отчетливо помню одну ночь — я бежала босиком, снег резал мне ноги, и я не чувствовала ничего, кроме паники.

Мой брат плакал позади меня, и я не знала, куда ушла мама. Мы просто разбежались — в темноту, в холод, куда бы ни привели нас наши ноги. Летом у нас были укрытия. Самым безопасным был сарай. Куры в курятнике выдавали нас — как только они начинали кудахтать, это было похоже на зов сирены. Но свиньи... свиньи не обращали на это внимания. Я помню, как однажды присела за ними, их тела были теплыми и тихими в темноте, единственное место, где я чувствовала себя невидимым. Зимой, когда нам некуда было бежать, мы стучали в двери соседей. Они знали. Они всегда знали.

Одна добрая женщина однажды обернула мои замерзшие ноги полотенцами и усадила меня у своей печи, ее глаза были полны жалости, она не говорила вслух. И все же... мы всегда оказывались в том доме. Возвращаясь к крикам, тишине, которая последовала за ними, к долгим ночам, которые, казалось, никогда не кончатся. Иногда я все еще помню, как снег жалил мои босые ноги, когда я бежала. Панику. Звук моего дыхания на холоде. То, как мы все разбежались — я, мой брат, моя мать — как испуганные животные, не зная, куда может прийти следующий удар. Такой была наша жизнь.

Мое детство прошло так: на грани, в ожидании, выживая. Страх стал второй кожей. Я научилась прислушиваться к шагам, прежде чем научилась делить столбиком. Я умела читать молчание человека лучше, чем читать книги. Деревня, ставшая колыбелью моих ранних лет, была местом чудес и душевной боли. Среди этой идиллической красоты борьба внутри моей семьи рисовала контрастную реальность. С каждым ударом сердца я жаждала гармонии, которая ускользала от меня, любви и стабильности, которыми другие семьи, казалось, обладали без особых усилий. Зависть, горький спутник, укоренилась во мне, окрашивая мои дни оттенком тоски, которую было трудно игнорировать.

Праздники, некогда символы радости, стали свидетельством хрупкости нашего семейного мира. Вместо смеха и тепла они предвещали приход эмоциональной бури, прокатившейся по нашему дому. Ожидание было смесью ужаса и страха, пока мы готовились к буре, которая должна была последовать. Разногласия, раздиравшие наши дни, омрачали сам воздух, которым мы дышали. Атмосфера сгущалась от напряжения, каждое сказанное слово отзывалось эхом с оттенком беспокойства. В этом царстве эмоциональной неопределенности мы с братом шли по натянутому канату между детской невинностью и жестокой реальностью жизни.

В любой момент наша жизнь может рухнуть. Присутствие моего отчима было непредсказуемой силой, способной перевернуть наш мир одним жестом. Его неодобрение, грозовая туча, нависшая над нашими головами, превращало само наше существование в хрупкий танец. Мы были марионетками в спектакле, на который никогда не пробовались, исполняя роли, которые никогда не выбирали. Таким было наше детство. Постоянное бегство. Дом, который никогда не казался безопасным. Мы не выросли — мы выжили. А потом... все закончилось. По крайней мере, в одной форме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.